Декабрь 1924 года. № 26 (106) Цена 20 коп.

КРОКОДИЛ

КУЛАК-ПОДПИСЧИК.

„По ряду губерний имеются большие села, которые получают одну газету „Правду“. И кто же ее получает? Кулак. А тысячи остальных крестьян сидят безо всякой газеты“.

(*Н. К. Крупская*).

Рис. Ив. Малютина.

— Терентий Кузьмич, дай газетку...
— Эва! Тебе дай газету, а ты ее, пожалуй, того... прочтешь.

КАК ДЯДЯ ПАХОМ ПРИЕХАЛ В МОСКВУ ЗА КНИЖКОЙ.

Рис. Никса.

— А вот, подходи! Подарок молодым хозяйкам!.. Прредупреждение беременности, доступно каждому! Полное собрание сочинений товарища Загоскина! Вместо трех рублей—двадцать пять копеек!

САНЬКА АРТЮХОВ.

— Я двести верст пешком прошел... Не за зря же... Товарищи, граждане! Будьте такие любезные!

Санька смущенно мял шапку перед столом заведующего культотделом Всеработземлеса.

— Деревня наша темная... Понятия никакого не имеет. Свету нет. Для ее грамотный человек под зарез нужен. Хоть один. Обучите хоть меня одного, посодействуйте... А я вам хоть в ножки поклонюсь.

И, шмыгнув носом, Санька действительно было приготовился поклониться в „ножки".

Заведующий за столом весь сморщился от внутренней боли и задергался на стуле:

— Пожалуйста, не смейте! Не смейте, вам говорят!

И обернулся к секретарю:

— Ну, что вот с ним делать? Каждый день толпами прут вот такие Ломоносовы! Как вы думаете, мы ничего для него не сможем устроить, а?

Секретарь резко покачал головой. Но Санька шмыгнул носом так жалобно, как будто приготовился зареветь по-ребячьи. Дрогнул рваный, грязный, вязаный шарф на шее, дрогнула вата в дыре на локте, дрогнули Санькины губы... И дрогнуло секретарское привычное сердце.

И секретарь вдруг сказал совсем не то, что собирался:

— Не знаю, Петр Андреевич... Разве вот на краткосрочные курсы его воткнуть как-нибудь?

Санька оживился:

— Воткни, товарищ дорогой! Воткни, милый, а?

И по тому, как рассмеялись и зав, и секретарь, Санька понял, что судьба его почти решена: он будет учиться.

— Только смотри! — предупреждал секретарь. — Шесть месяцев тут оттрубишь — и в деревню—помогать. Понял? Для всей деревни тебя обучаем. Смотри уж, чтобы места зря тут не занимать. Учиться—так учиться.

— Да разве я беспонятный какой? Я с тем и пришел. Деревня наша темная, серая...

— Вот, вот...

* * *

Через шесть месяцев перед столом заведующего культотделом Всеработземлеса стоял изменившийся до неузнаваемости Санька. Это был уже теперь собственно не Санька, а Александр Артюхов, окончивший срочные культурно-просветительные курсы для сельских работников.

Почти новый тулупчик-рабфаковка, высокие сапоги, кожаная шапка с ушами—все это складно сидело на Александре Артюхове и за тоненьким ременным пояском торчали книжки. Глаза улыбались смело и с хитрецой. Теперь Санька вовсе не собирался становиться на колени и ждал своей очереди, рассматривая какой-то плакат.

— У вас, товарищ, что?—окликнул Саньку секретарь.

Санька молодцевато обернулся:

— Я насчет командировки...

— Ага... вспоминаю... Товарищ Артюхов кажется? Ну, так вот, дорогой товарищ! В виду того, что вы командируетесь, так сказать, в самую глушь, в самую гущу деревни, вы должны... Да что вы так смотрите?

— Тут должно быть ошибка... Я не хочу в деревню. Я просил командировку в В. У. З. я...

— Виноват, товарищ, ваша фамилия—Артюхов? Александр Артюхов?

— Да... Но только...

— Что только?

— Только я в деревню не поеду! Чорта ли в ней там! Темная, серая... Там только неграмотным и жить!.. Там пропадешь... И вообще... я хочу учиться дальше. Я и в город за тем пришел... Товарищ секретарь...

И из Александра Артюхова вдруг проглянул прежний, нечесаный Санька.

Но лучше бы он не проглядывал. Потому что на этот раз секретарь не только не посочувствовал, но даже распалился:

— Как вам не стыдно, товарищ! Поучиться потом успеете! Сейчас деревне люди до зарезу нужны. Поняли?

— Понял...—сказал Санька и грустно вздохнул. Москва: доклады, лекции, кино, театры, праздники, огни, автобусы — разом грустно пролетели в голове.

— Понял,—еще раз сказал Санька.—Давайте инструкции...

А у стола заведующего кто-то переминался обутыми в лапти ногами, и Санька отчетливо слышал срывающийся голос:

— Не зря же я двести верст... пешком...

Вас. Лебедев.

СЕЗОННЫЙ ТОВАР.

Рис. Ю. К.

— Так с весны и не могу нового колеса укупить: В кооперативе одни полозья!..

— Вот, бог даст, снежок выпадет— заторгуют и колесами.

ИНТЕНСИВНАЯ РАБОТА.

„Нашим робятам тоже надо подтянуться в производстве. Поменьше громких фраз, побольше дела!".
„Молодой Ленинец".

Свою речь на производственном совещании красный директор закончил такими словами:

— Теперь вам ясно, товарищи, одно: чем интенсивнее мы будем работать, тем больше улучшится положение рабочих. Поэтому призываю вас усилить интенсивность труда!

— Правильно!—одобрили рабочие...

— Усилим! — визгливо закричал молодой Рогулькин.—Увидите!!

В глазах Рогулькина сверкнула героическая решимость. В глазах старых рабочих—уважение к его молодому пылу...

На работу Рогулькин явился с большим опозданием.

— Почему так поздно? — с неудовольствием спросил мастер.—Хороший пример вы подаете остальной молодежи! Нечего сказать!

— У меня уважительная причина,—ответил с достоинством Рогулькин.—Я вчера до поздней ночи обдумывал, как поднять производительность.

Мастер с нескрываемым уважением посмотрел на Рогулькина.

— А! В таком случае извиняюсь! Старайся, молодежь! Вы—наша надежда... Однако, вот вам работишка. Срочная!

Когда мастер отошел, Рогулькин направился к тискам, взял в руки напильник, сделал энергичное движение и... задумался.

— Гм!... Работать, пожалуй, лучше всего по хронометражу. Но по чьей системе—по Тейлору или по... Гастеву? Это надо хорошенько продумать!

Рогулькин отложил в сторону напильник и погрузился в размышления. Проекты и планы вихрем закружились в его голове. Время шло...

— Рогулькин!—крикнул старший рабочий. Опилил плитку-то? Давай скорей. За тобою остановка.

— А, не до плитки тут!—ответил молодой рабочий.—Я занят размышлением о лучших способах интенсификации труда и...

— Нашел время размышлять! Тут срочное дело, а ты задерживаешь. К чорту!

— „Какой несознательный!—скорбно подумал Рогулькин.—Надо ликвидировать его отсталость. Но каким способом? Путем лекций или путем собеседований? Это надо продумать!"

Размышления продолжались... Когда мастер дал Рогулькину обтесать чугунную болванку и просил сделать это в порядке спешности, молодой рабочий... опять задумался.

— Гм!.. Под каким углом лучше всего держать зубило для поднятия промышленности? Под прямым или под тупым? Этот важный вопрос надо решить сейчас-же!

Рогулькин закурил папиросу и погрузился в творческие думы...

Докурив незаметно для самого себя седьмую папиросу, Рогулькин решил:

— Надо этот вопрос продискуссировать с товарищами!

Рабочий Ермилов заканчивал девятую болванку, когда к нему подошел Рогулькин.

— Погоди, Ермилов! Скажи, ты не думаешь, что настоящее международное положение и текущий момент диктуют нам держать зубило под углом, соответствующим той идеологии, которую...

— Не мешай!—сердито прервал Ермилов.— Видишь, работа не ждет. Поговорить можно и после гудка.

— Чудак! — пожал плечами Рогулькин.— Глупо работать, не уяснив себе точно роли производства и техники в нынешней ситуации международного масштаба. Ведь если...

Говорил Рогулькин долго. Когда он кончил, Ермилов уже брался за двенадцатую болванку.

— Надеюсь, я тебя убедил теперь? Уф, устал! Пойду выкурить папиросу, а потом подумаю о пользе хронометража при обточке подшипников...

Время шло...

Когда через три дня Рогулькину пригрозили увольнением за бездельничанье, он пожал плечами и обиженно произнес:

— Удивительное дело! Я стараюсь поднять интенсивность, а вы недовольны. Где-же справедливость?

И... погрузился в размышления.

Д. Долев.

ОСОБЕННО СОЗНАТЕЛЬНЫЙ.

— Шкурников, вы опять два дня прогуляли без об'яснения причин...

— Ничего не без об'яснения. Октябрьскую революцию праздновал.

— Так Октябрьскую революцию все три дня праздновали, а вы пять...

— Так то все.. А я, как особенно сознательный элемент, сознаю, что такой великий праздник нашего пролетариата невозможно праздновать меньше пяти дней.

НЕ СЛЕДУЕТ.

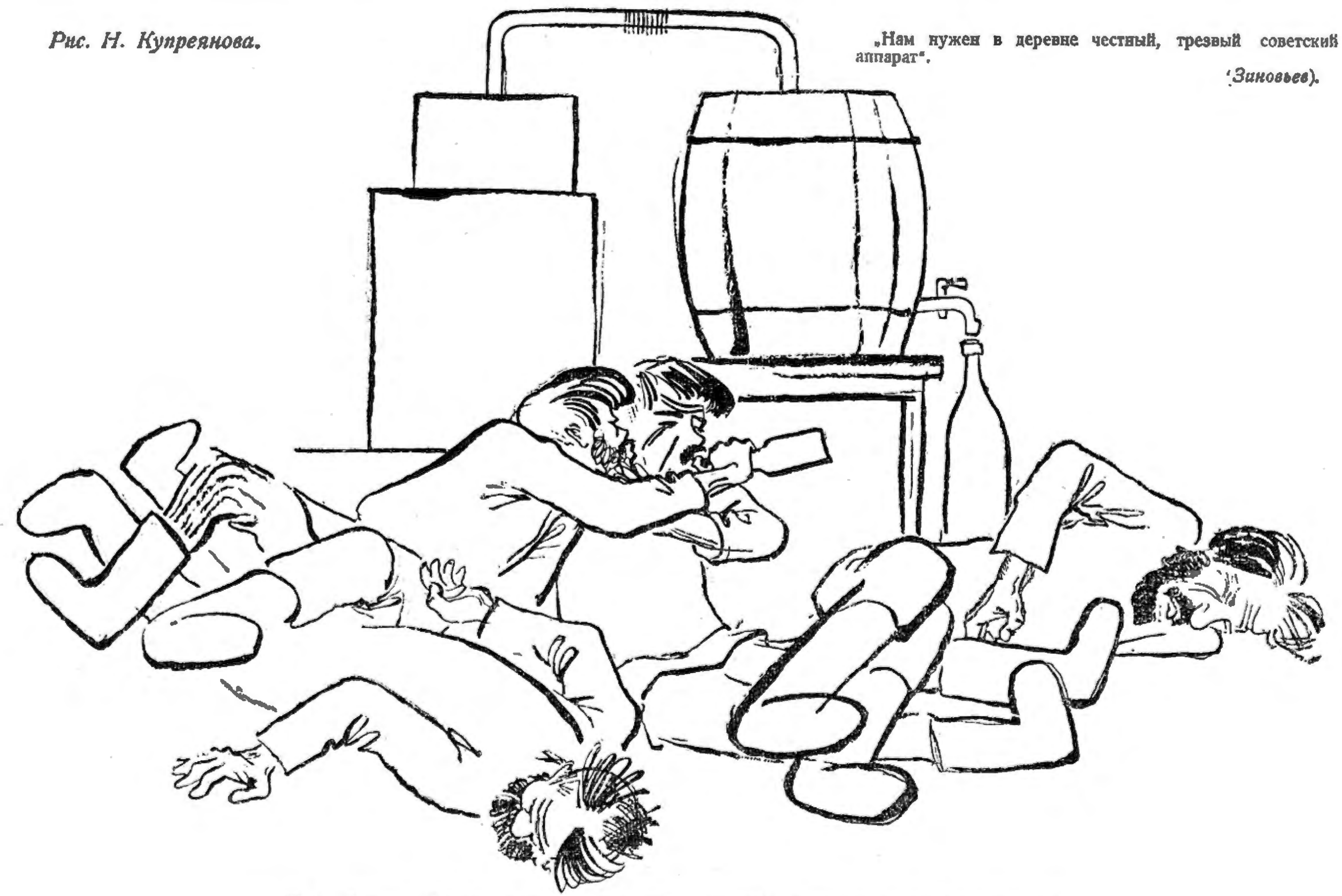
— Скажите, ведь, журналисты и литераторы состоят в Союзе Работников Просвещения?

— Да... Но из этого вовсе не следует, что т. Троцкий может давать уроки!

Рис. Н. Купреянова.

„Нам нужен в деревне честный, трезвый советский аппарат".

(Зиновьев).

— Пей, Гриша! Ежли будет советский аппарат—значит, нашему крышка!

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ РОМАНС.

(Почти „У камина“).

Я сижу на диване (я нынче—один),
Одинокие помыслы грея.
И пускай предо мной не пылает Камин—
Заменяет его батарея.
Дорогой радиатор! Культурная печь!..
А за окнами—Гум'а приманки
(Стихотворной рекламы певучая речь),
Магазины, трамваи, да санки.

А былое всплывает картиной такой:
По поленьям – лиловая струйка:
Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской,
Как трагически стынет „буржуйка“.
И на ней—котелок недоваренных щей...
Подтопить бы вещами?!. Да кроме
Злополучной „буржуйки“ буржуйских вещей
В пролетарском не водится доме!

Засыпающим глазом огонь подмигнул.
Замерзаю. Дичаю. Зверею.
И сердито бросаю то книжку, то стул,
В... перепуганную батарею!
О, безумец, ответствуй, свой гнев охладив:
Такова-ль батареи природа?!
Не сердись, радиатор! Сие—рецидив
Отопленья двадцатого года!..

Скорпион.

ДЕРЕВЕНСКИЙ „АБЛАКАТ“.

„Подпольная аблакатовщина приняла довольно широкие размеры и течет в их цепкие руки мужицкое добро. Необходимость борьбы с аблакатовщиной назрела, ибо крестьянство в своей массе жадно хочет получить сведения по интересующим их вопросам“.
(*„Изв. ЦИК“*).

Кулак Пузатов незаконно захватил себе участок земли у Ерофея Титькина. Началась тяжба...

И не успела эта каша завариться, как в избу к Титькину вошел тип, похожий на заштатного дьячка, с замусоленным „портфелем“ и сказал:

— Член коллегии защитников, Аристарх Иванович Хлюпин!.. Явился к вам на предмет защиты от паразитических елементов и нетрудовых пауков!.. Будьте любезны рассказать со всей дискуссией, как было дело?

Ерофей рассказал...

— О-го-го-го!—многозначительно произнес аблакат, подняв палец.—Это пахнет 12457 статьей Уголовных кодексов! Лет на пять закатают мерзавца!

— Уж постарайтесь, господин защитник!—поклонился Титькин.—Уж я вас, Аристант Иванович, отблагодарю! Не постою, можно сказать, ни за чем...

— Да что там... Пустяки!—гордо отмахнулся защитник.—Стоит ли говорить об этом? Наше дело—весы Фемиды и юриспруденция, а презрительный металл – на втором плане!.. Итак, расскажите мне подробности... Статья 9886 требует указать женат ли ответчик и на ком?

— Да... Того... На женщине одной.

— Способствовала ли сия особь инкриминируемому ему криминальному факту?

— Чего?—не понял Ерофей.

— Помогала ли жена кулака захвату земли?

— А хто ж ее знает? Пить она ему, двествительно, помогает, а что касаемо...

— Ага, пить!—прервал его на слове аблакат.—Алкоголически отягчающие обстоятельства, что предусмотрено статьей 11666 процессуально-гражданского статута...Лет на десять закатают сук-кина сына!

— Уж соблаговолите, Аристант Иванович!—опять поклонился Титькин.—Давно по ем петля плачет!

— Принимая во внимание классификацию разделов закона и дискредитацию злостного характера, и на основании статьи 20965, примеч. 7, можно пожалуй, и к стенке... Итак, скажите еще... социальное происхождение родителей жены обвиняемого и ее образование...

Много еще всяких сведений записал себе аблакат, вплоть до цвета волос и добротности белья Пузатовых. Получив пятерку авансом, он ушел и... пошел к кулаку...

— Все обделал по вашему заданию, Пуд Силыч!..—заявил он ему.—Такие очки ему втер, что он понадеется на меня и... проиграет.

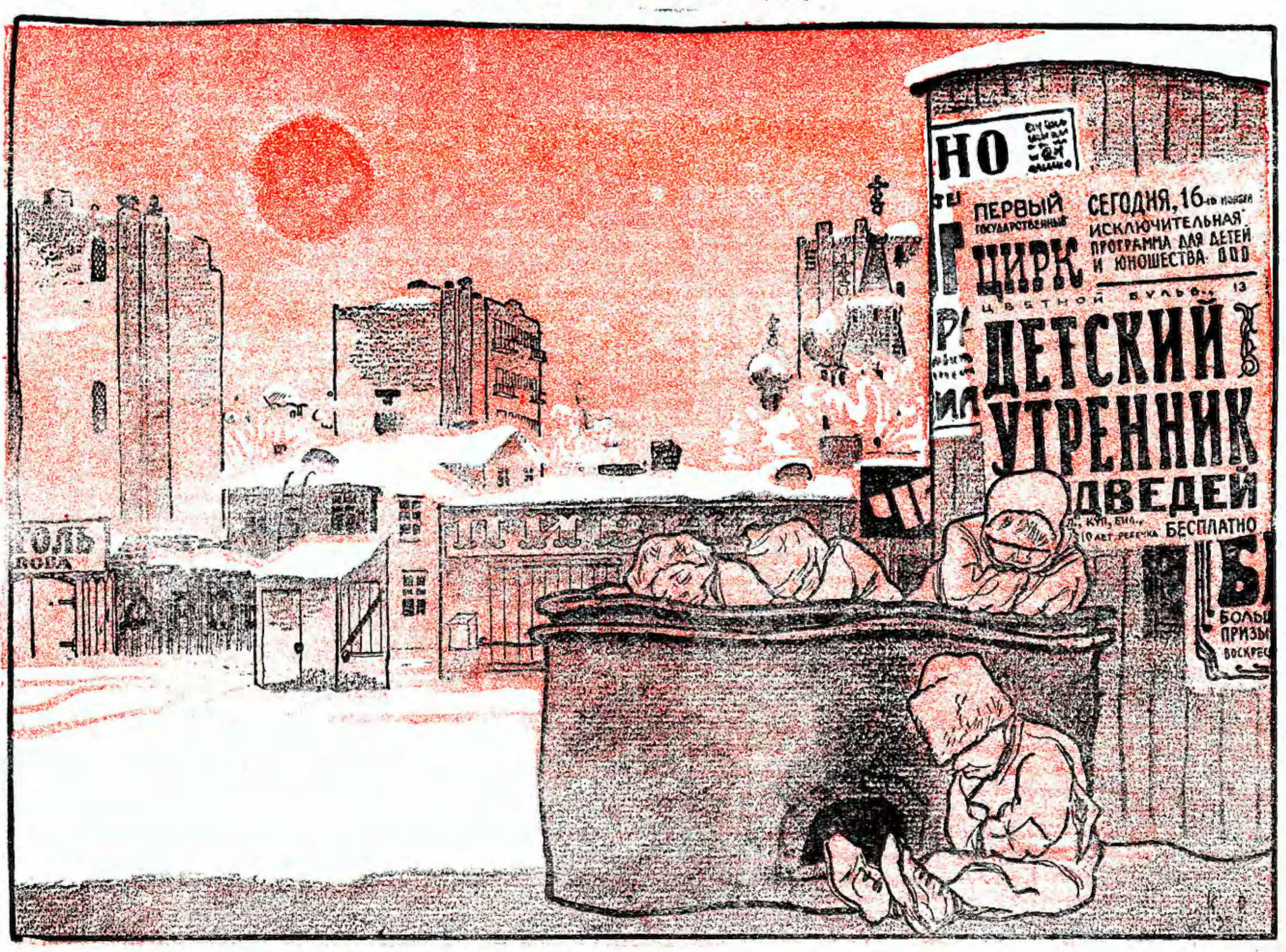
* * *

Не выиграл дела ни кулак, ни бедняк, так как оно до сих пор еще не разбиралось. В выигрыше остался только аблакат, который, собрав с обеих сторон 55 рублей аванса, куда-то испарился...

Ф. Благов.

Рис. К. Ротова.

ГРИМАСЫ УЛИЦЫ.

Детский утренник.

ИГНАТ НЕВЕРУЮЩИЙ.

Пассажирский ушел. Игнат решил уезжать порожняком и напоследок еще раз крикнул:

— Кому в Метелково?! Свезу-у!

— Даешь Метелково!

И в сани ввал лись трое в полушубках с узелками и инструментами.

— Н-но-о... пошел!..

Хлестнул под пузо вороного, чмокнул, дернул вожжи, и заскрипели сани.

А когда проехали станционный поселок, Игнат обернулся к пассажирам и спросил:

— Чьи?

— Московские.

— А сами кто будете?

— Рабочие.

— Ага... Н-н-о-о пош-ел!..

— Ну, как тут в деревне живете?—осведомился один из рабочих.

— Да, как?.. Известно—день и ночь, сутки прочь. Вот и живем... Об нашей жизни сказывать нечего. Это не вашенская... Чаи не распиваем. В тиатры не ходим и папиросы тоже не курим, а больше махру... Н-н-э... волк тя дери!..

И, проехав саженей десять, Игнат продолжал:

— Наша жизнь—темное... Это ваш брат в каменных хоромах живет и ничего ему не дееться... подошел к стенке, гвоздик ковырнул, вот те и огонь. А у нас как свечерело, полезай на печку и шабаш... Одно только вольготно пойло самогонное—хлебай сколько влезет... а так, братцы, темно у нас, темно.

— Ничего, потерпи немножко, скоро и у вас засветлеет...

— Откуда?! Поди уж пятая неделя, как обещали в теребиловку керосину доставить, и все не везут... Это вам, московским, и горе мало: подошел к стенке, ковырнул, и свет потечет... а в Метелково собственно по каким делам едете?

— Вот относительно этого самого света. Электричество проводить будем. С завтрашним еще народ прибудет и зачнем...

— Ну-у?! Правда?

— Факт.

— Не, не верю... Брешете, ребята, брешете!.. Н-нэ, пошел!.. Ишь, совсем замерз, диавол... Нам бы керосинчику и то спасибо... А чтоб лектр... не, не верю!.. Не может этого быть...

* * *

И поверил Игнат только через три месяца, когда сам ковырнул у стенки „гвоздик“, и свет потек...

А когда, спустя неделю, докладчик, приехавший из города, говорил гр-нам села Метелково, что скоро у них построят клуб, где будут картины показывать, и театр, то громче всех выражал сомнение Игнат—„не верю... где нам! Не может этого быть... Брешут и только..“

Ничего, когда ковырнет пальцем, тогда и поверит.

Б. Левин.

ТАК ВООБЩЕ.

— Ух, надоели мне эти МОПР'ы и Доброхимы всякие. А тут еще на ОДВФ с нашего брата рабочего тянут, и в деткомиссию, и еще в 100 мест.

— Неужели ты состоишь членом всех этих организаций..

— Ну, не всех...

— А в скольких?

— Да пока еще ни в одной...

— Что же ты ноешь?

— Да так... И вообще, что это в советской республике уж и поговорить нельзя?

Рис. Ю. Ганфа.

„149.“

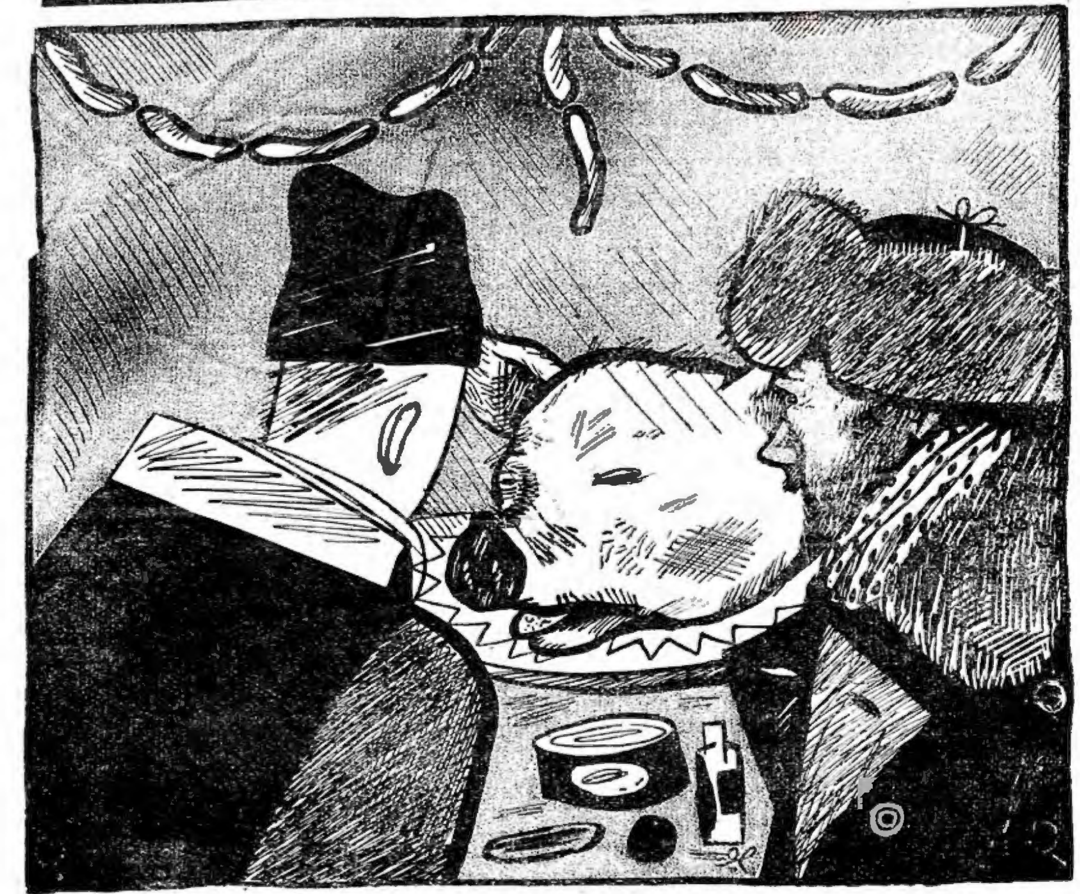
К 149 эстонским революционерам были применены старые законы Российской империи.

Кто говорит, что царский суд уничтожен? Ничего подобного. Он только переехал в Эстонию.

Рис. Ю. Ганфа.

— И до чего же эта свинья похожа на нашего заведующего!...
— Ну, что вы... не на вашего, а на нашего заведующего она похожа.
— Гм... и до чего же наши заведующие похожи друг на друга!

ИНСТРУКЦИЯ ХУДОЖНИКАМ-КОРРЕСПОНДЕНТАМ (ХУДКОРАМ).

I. О ХУДКОРАХ

1. Эта инструкция предназначается для каррикатуристов самоучек, рабочих и служащих, которые хотят видеть свои каррикатуры воспроизведенными в „Крокодиле". Пусть товарищи не смущаются, что у них выходит хуже, чем у специалиста художника; ведь у рабкора выходит тоже хуже, чем у спеца-журналиста, а поглядите, какими делами ворочает рабкор. Итак, пусть образуется, параллельно рабкорам, кадр худкоров. Пусть худкоры получат возможность со страниц стенных газет перейти на страницы журнала.

II. КТО БУДЕТ ХУДКОРОМ.

2. Худкор, как и рабкор, дожен быть рабочим или служащим, стоящим близко к производству, но ни в каком случае не профессиональным художником. Рисунки профессионалов у нас имеются и без того.

3. Необходимо, чтобы худкор был сотрудником стенной газеты своего предприятия. Это нужно для того, чтобы его работа приобретала значение постоянного общественного занятия. Кроме того, этим проверяются его способности. Тот худкор, который годится для „Крокодила",—годится и для стенной газеты. Тот, который не годится для стенгазеты, не годится и для „Крокодила"

III. О ЧЕМ РИСОВАТЬ.

4. Каждый номер „Крокодила" выходит в количестве 175.000; это количество будет еще больше. Значит, у него читателей—тысяч триста. Следовательно: худкор должен рисовать только на такую тему, которая интересна, по крайней мере, для сотни тысяч читателей, на тему общего значения, не мелкую местную.

5. „Крокодил"—журнал сатирический, т.-е. он обличает грязные дела, высмеивает нелепости, втыкает вилы в тех, кто намеренно или невольно мешает нашему советскому строительству. Следовательно, рисунок худкора должен быть едкой каррикатурой, которая протаскивает, не стесняясь должностью, и пр. Сам худкор должен составить остроумную подпись к рисунку (такая подпись называется „легендой"). Если ему это не вполне удается—ничего, редакция исправит.

6. Худкор отличается от спеца-художника тем, что он находится в самой гуще местной жизни, соприкасается с рабочим бытом и работой местных организаций. Исключительно на эти темы он и должен рисовать. Ни в коем случае не рисовать Керзонов, Эррио, Польшу, белых эмигрантов,—вообще „про политику". С этим мы и без него управимся. Не рисовать и „внутренней политики"—как валюта заедает лавочника, или как кулак терпит от селькора, и так далее. Этого тоже не требуется, потому что эти темы худкор вычитывает в газетах и журналах. Требуется рисовать только то, что сам видел, то, что тебе рассказывали, то, о чем пишет стенгазета.

7. Худкор будет в затруднении: как же это согласовать с пунктом 4? Здесь говорится, чтобы рисовать только из местной жизни; а там сказано, чтобы изображать то, что интересно для трехсот тысяч читателей. Как же тут выйти из положения?

IV. ИЗОБРАЖАТЬ ТИПИЧНОЕ.

8. Дело в следующем. Среди тех явлений, с которыми мы боремся путем высмеивания, имеются такие, которые попадаются повсеместно. Такие явления называются т и п и ч н ы м и. Например: матерная ругань; самогон; непорядки в производстве; шефство на словах; политическая неграмотность, и т. п. Если худкор взял острую тему из области типичных явлений, он может быть уверен, что ее все читатели примут с интересом. Кроме того, надо брать не рядовые, а выдающиеся факты. Тем самым худкор говорит всем читателям: смотрите, как бы и у вас не вышло того же.

V. КАК НАЙТИ ТЕМУ.

9. Найти тему — дело нелегкое. Для этого требуется зоркий глаз и хорошее чутье. Надо присматриваться к типичным явлениям и мысленно оценивать все, что видишь и слышишь—а не тема ли это для рисунка? Каждый отрицательный или смешной факт надо взвесить про себя и решить: 1) относится ли это явление к числу типичных, 2) можно ли придать подписи и рисунку с а т и р и ч е с к и й, т.-е. общественный, едкий характер, и 3) можно ли сделать на эту тему красивый рисунок. Вот примеры негодных и хороших тем:

НЕГОДНЫЕ:

Заведующий цехом по дороге на фабрику потерял шапку.

Политкружок занимался на открытом воздухе. Пошел дождь, и кружок вымок.

Когда шефская комиссия ездила в деревню, по дороге от станции заблудилась и вместо одной деревни попала в другую.

ХОРОШИЕ:

Заведующий цехом уволил работницу, якобы за плохую работу, а на самом деле за то, что она не позволила приставать.

На руднике штейгер, как приходит на работу, ложится спать и спит до гудка.

Завод изготовил для подшефной волости плуги. Передавал с музыкой, а как стали на плугах работать—все поломались.

Если внимательно сравнить, о каких фактах говорят те и другие темы, ясно видно, чем отличается хорошо подмеченная тема от неудачной.

10. Окончательное испытание годности темы производится так: надо вообразить себя посторонним читателем; затем представить себе, что в подписи к рисунку не будет примечания, где и с кем произошел изображенный факт. Если после этого рисунок не потеряет смысла и останется ядовитым—значит, тема годится.

VI. ПОДГОТОВКА РИСУНКА.

11. Когда тема имеется, ее надо обдумать. Лучше всего, если не срочно, сразу за работу не садиться, а подождать денек.

12. Взявшись за рисунок, надо сначала сделать набросок карандашом. При этом стараться, чтобы: а) на рисунке было поменьше фигур, а самые фигуры были покрупнее (это называется „рисовать в крупном плане"); б) чтобы рисунок был л а к о н и ч е н (свободен от лишних подробностей),—изображать только самое необходимое; в) чтобы важные части рисунка были виднее второстепенных. Приступать к окончательной обработке, когда рисунок в карандаше сделан до мелочей.

VII. РАЗМЕР РИСУНКА.

13. Размер рисунка—дело неважное. Но лучше всего, чтобы рисунок был в $1\frac{1}{2}$—2 раза больше того размера, в котором он появится на страницах журнала.

VIII. ЧЕМ РИСОВАТЬ.

14. Принятый рисунок будет фотографироваться и переводиться на цинк, с которого и происходит печатание. Поэтому рисовать надо таким цветом, который хорошо фотографируется. Таких цветов два: черный и темно-красный. Зеленый снимается плохо. Синий и фиолетовый вовсе не снимаются. Значит, лучше всего рисовать черной чертежной тушью; если ее нельзя купить, то черными чернилами. В крайнем случае—красными чернилами.

15. Рисунка ни в каком случае не раскрашивать. Для этого требуются особые правила.

16. Инструментом служат: перо чистое, не употреблявшееся для чернил, и кисточка из мягкого волоса. После туши перо вытирать начисто, а кисточку мыть в воде, слегка намылив.

17. Можно делать рисунки и карандашом; тогда надо брать карандаш черный, дающий мягкий, густой тон. Но лучше избегать карандашных рисунков.

IX. НА ЧЕМ РИСОВАТЬ.

18. Надо помнить: чем лучше инструмент и материал, тем выше по качеству работа. Поэтому бумагу надо брать получше: без линейки и клетки, плотную, белую. Можно рисовать на писчей, № 5 и № 4, а лучше всего купить в лавочке рисовальной бумаги; следить, чтобы была цветом побелее, а то на сероватой тушь расплывается, и плохо выходит фотография с рисунка

X. РИСУНОК ГОТОВ.

19. Когда рисунок готов, надо на отдельном листке бумаги сделать к нему подпись и все нужные примечания. Подписать фамилию и адрес. Потом отсылать по адресу: Москва, Охотный ряд, редакция „Крокодила".

20. Содержание рисунка, если оно кого-либо задевает, должно основываться на действительном факте. Ответственность за выдумку или искажение будет лежать на авторе рисунка.

21. Ни в коем случае не посылать одинаковых рисунков в разные редакции. Это — наследие от дореволюционной продажной прессы.

По поручению „Крокодила" составил инструкцию

Крокодилий секретарь *Л. М.*

МАЛЕНЬКИЕ КУСОЧКИ.

ПЕРЕБОРЩИЛ.

Я ехал в деревню. Крестьянин-попутчик (не литературный, а обыкновенный) согласился подвезти меня со станции. Лошадь шла шагом, крестьянин подложил вожжи под себя, свертел бычка, обернулся и сказал:

— О прошлой неделе тоже, вот, наезжал тут один. Подслепый, замухрышный, не хуже тебя. Будто по торговому делу, а вся его надобность была — народ замутить. Против города возражал.

— Из эсеров?..

— Хто его знает... Так, вроде суслика. „Вы, говорит, в поте лица, а между протчим, говорит, к мануфактуре приступу нету, а рабочий говорит, што? Он, говорит, как? Он, говорит, один день восемь часов работает, другой день восемь часов спит, третий день восемь часов отдыхает, а опосля всего на курортную койку ложится для вольного воздуха“...

— Ну, а вы как же к этому?..

— Дык мы—што же мы? Ухи развесили, верим. Деревня проста: ей што ни сбрехни... „По тыще рублей, говорит, получают, пища еще казенная, а окромя того—лекарства задаром“. Ну, долго бы он народ совмущал,—да меры не знает, забрехался! Забрехался—и говорит: „Который, говорит, рабочий кажный день газету читает“.. Хо-хо-о!.

— Ну! Дальше-то что ж?

— Дальше-то и говорить не дали ему: за животы посхватились. Уморил, сукин сын!.. Ах ты ж, господи жа!..

Крестьянин бросил крученку, залился дробным смешком, махнул рукою и повторил:

— Уморил, сукин сын! Вот брехло, так брехло!.. „Газету кажный день“.. Вот уж, сказано-то: язык без костей!!.

ВО ИСПОЛНЕНИЕ.

Предпрезидиума губотдела Союза вызвал замзава ОТЭ:

— Вот, насчет этой бумаги... С содержанием я согласен, но...

И ткнул в бумагу пальцем:

— Вот. „Цир-ку-ляр“. А Томский что говорил на с'езде? А Что он на с'езде говорил по поводу циркуляров? Он говорил,—а мы, попрежнему, будем циркулярчики рассылать? Оч-чень хорошо! Если и все будут так же бороться с профсоюзным бюрократизмом, то... Нет, вы, что Томский-то говорил, читали?..

— Да, но... Видите ли, конечно... Только... гм!..—сказал замзав ОТЭ.

Предпрезидиума распорядился:

— К чорту! Никаких циркуляров!..

И раз'яснил:

— То-есть, не всю бумагу к чорту а это слово. Скажите чтоб „циркуляр“ стерли резинкой и надписали... ну, „инструкция“, что ли.

НЕИСПРАВИМЫЕ.

—... Вот и на IV с'езде союзов говорили: отчего ж и не потанцовать в рабочем клубе, хотя бы даже и коммунистам... Да с кем потанцуешь-то, тетенька? Вчера подхожу к Сеньке Прохорову, а он: „Отлезь,—говорит,—не мешай, а то как бы дело „матом“ не кончилось“!..

— Ах, батюшки!!. Это в клубе-то?..

— В клубе. И всегда у него дело „матом“ кончается: мешай, не мешай...

— Тьфу, окаянный!.. И ты, девка, терпишь?

— Ну, чего ж не терпеть: со всяким бывает, тетенька... А если „мат“ то-нкий, затейливый, то даже приятно, а не обидно. Я люблю, если хороший „мат“ кто закатит!

— Тьфу-тьфу-тьфу, владычица-матушка, до чего дожить довелось! Да ты что ж это, девушка: стыд-то совсем потеряла?.. Это кто ж тебя, мерзкую, таким вещам обучил?..

— Брат научил. И чего вы ругаетесь, тетенька? Не все ж танцовать, — можно и в шахматы поиграть.

Н. И—в.

ИЗ ЗАПИСОК А. Ф. КЕРЕНСКОГО.

„ПЕТРОГРАД. 1917. МАРТ. Вчера посетил Министерство Юстиции. Со швейцаром поздоровался за руку. Эту подробность учли и оценили все газеты. Вообще только и разговоров, что обо мне. Звезда моя восходит...

ПАРИЖ. 1924. НОЯБРЬ. Вчера зашел в Министерство Иностранных Дел. Швейцар не только принял, но даже поздоровался со мною за руку. Эту подробность, повидимому, учли и газеты. Может быть, давешний репортер, который три франка занял, напечатает разговор со мной. Звезда моя восходит...

Г.

Рис. Ю. Купреянова.

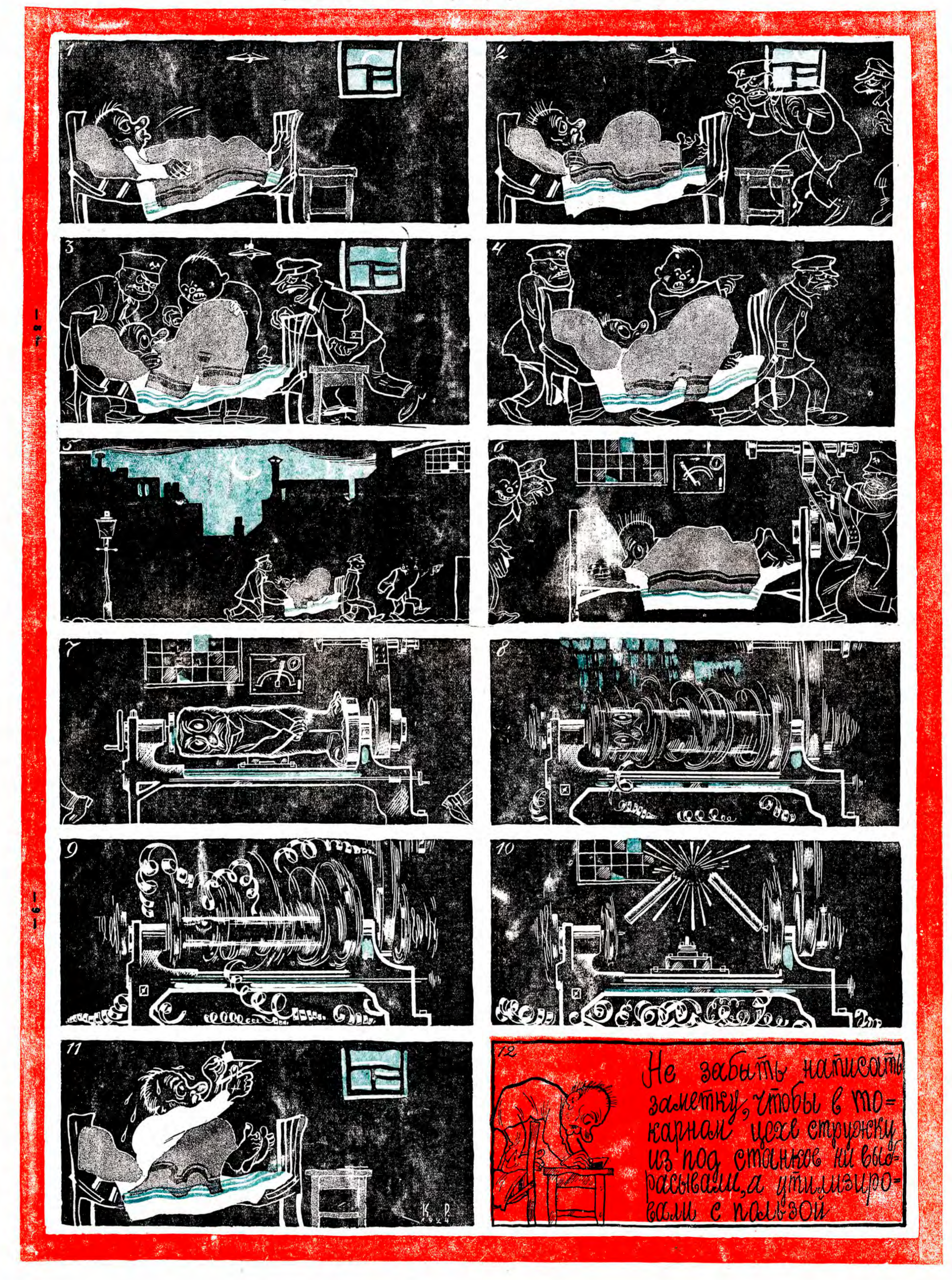
ПЕРЕД ТЕМНЫМ ДЕЛОМ.

Ну, братцы, стемнело, пора. Уж мы ему покажем, как корреспонденции писать!!

СТРАШНЫЙ СОН РАБОЧЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА.

(Повесть без слов в 12-ти картинах, нарисованных Константином Ротовым).

НА ПОЛИТКРУЖКЕ.

Рис. В. Щ.

— Товарищ инструктор, я чего то спуталась. Февральская революция когда была? В марте?
— В марте.
— А когда была октябрьская?
— Октябрьская была в ноябре.
— Ох, и волокита же! Пока революцию произведут— целый месяц пройдет.

I. ПОЭЗИЯ.

„Небоскреб книги“ — так называется книжный магазин на Моховой. Движущаяся лестница быстро доставила нас в двадцать четвертый этаж—отдел художественной литературы.

— Вы интересуетесь стихами?—удивился заведующий.— Не держим...

И улыбнулся:

— Сразу видно, что из другого века... Стихи не печатаются в книгах,—поэты добились своего: они печатают стихи на облаках!

Заведующий любезно согласился показать нам образчики поэтического исскусства и оказался большим любителем поэзии. Мы подошли к окну: оттуда развертывалась превосходная панорама Москвы и запаутиненное воздушными путями сообщения небо. По небу, кроме аэропланов, плыло несколько облаков.

— Вот посмотрите—превосходные стихи!

Рабочие!
свернуть
цыгарку
чтоб—
Покупайте
журнал
„Медный лоб“

— Орган левой группы,—объяснил заведующий.—Название символическое—наши стихи должны прошибать самые толстые лбы...

Хорошая книга, а то с какой стати...—начал, было он, мы его остановили:

— В ваше время так же писали!

— Не нравится? Тогда вот,—посмотрите·

Лучшее средство истребления крыс
„Крысин“—порошок Америки из!

Вы обратили внимание на это „из“? Предлог отброшен от существительного! Великолепное поэтическое сальто-мортале! Где вы еще услышите такую поэзию? Нигде кроме...

— Но послушайте,—разве никто не пишет обыкновенных стихов?—остановили мы его.—Неужели только рекламы?

Заведующий удивился нашей неосведомленности.

— Господствующее, направление!—Это в ваше время поэты и даже сам Маяковский писали п р о э т о! Про э т о теперь никто не пишет! А если вы любите краткость, лаконизм выражения,—пожалуйте:

Чем ехали.
слезали
Автолихач
каждом вокзале!

— Не понимаем—сознались мы. Заведующий усмехнулся.

— Что вы! Здесь, как говорят наши поэты:

Понятие прет на понятие
Нужен умище, чтобы обнять его!

Рис. К. Р.

Это бьет кулак селькора.

Вы обратите внимание—полное отсутствие предлогов и так называемый автоглагол... А если непонятно—пожалуйте—элементарное стихотворение для сельского населения:

Всяк Наум
Намотай на ум
Авио—лапти
Поставляет ГУМ!

— Или такие замечательнейшие перлы,—увлекся заведующий,—соединение двух искусств...

Мы увидели на большом облаке здоровенного детину, который грозил нам неимоверной величины кулаком, и надпись в стихах:

Столовую
„Победа“
Идешь в?
Здоровые
обеды
дешевы!

Какая замечательная форма! Автору присуждена премия имени Владимира Маяковского... Вы скажете—в ваше время писали так?

II. ПРОЗА.

Это был авантюрный роман в семидесяти пяти выпусках,—типа Месс Менд. Раскрыв книгу, мы прочли:

ГЛАВА 723.

Тайна Мертвой Ноги.

...Амалия погрузила клинок в мягкое тело Джима и, приколов его кинжалом к телеграфному столбу, встретила Джона:

— Я люблю тебя!—прохрипела она, и Джон, выбросив ее с двадцатого этажа, сказал;

— Сам! Мы украли у бродяги Бокфеллера его мертвую ногу. То-есть она теперь мертвая, а была живая. Он теперь скачет на одной ноге по всем улицам и ищет... Ха-ха!

...В это время по улице шел знаменитый сыщик Вынькертон...

— Вы понимаете,—сказал заведующий магазином—Амалия с двадцатого этажа упала прямо на голову Вынькертону... —„Ищите женщину!—сказал Вынькертон—где женщины там и злоден..“ Прочтите весь роман—не пожалеете...

— А какое же второе направление?—интересовались мы.

— Некоторые зачатки были и в наше время: в Лефе, даже в Красной Нови... Ну, да ваш Пильняк с его Гвиу-гвиу или Крученых никуда не годятся! Единственное, неподражаемое произведение!

На пятой странице небольшой книжечки крупным шрифтом было напечатано: — Бны! Вны! Гны! Дны! Жны! Кны:

— Может быть в начале—проще?

На третьей странице стояло: Бва! Вва! Гва! Два!

На второй: Ба! Ва! Га!

Эге-ге! Да это что то знакомое! Ну-ка что на первой-то странице?

На первой странице увидели: а, б, в, г, д...—весь алфавит.

— Не букварь ли?

Действительно—под алфавитом стояли следующие фразы:

— Буки аз-ба-ба! Веди аз-ва-ва!

— Да позвольте—по этому букварю мой дедушка обучался!

Заведующий улыбнулся:

— Может быть—но это ничего не значит... Вы прочтите вот эту книжечку.

Он показал толстый том: „Заимствование, как прием...“

Вы видите великолепное использование этого приема... Это не ваше—Бам-бам! З з з... К х х х... Почище!

Мы вышли из магазина, купив на память по букварю. По дороге обменивались мыслями:

— Как далеко ушла литература!

— Да! Только двадцать лет—и такие успехи!

Мы понимали, что, высказав отрицательный взгляд, только распишемся в собственном варварстве...

М. К.—в.

А это бьет КУЛАК СЕЛЬКОРА.

„ЭВОЛЮЦИЯ ВООРУЖЕНИЙ“.

(или „до чего довоюются буржуазия“).

Американский профессор Бернгольд изобрел аппарат против лучей смерти Мэтьюса. Аппарат представляет систему зеркал особого металла, собирающих и отражающих адские лучи вверх, в пространство.

Французская буржуазия встревожилась...

— Как?! Наши лучи смерти обезвредены?..

Нет, не быть этому!.. Надо изобрести что-нибудь, противодействующее этому аппарату Бернгольда!

Позвали профессора Мильдьябля и заказали ему соответствующий аппарат.

Получил Мильдьябль для вдохновения солидный куш денег, засел изобретать — и действительно изобрел!.. Новый аппарат расплавлял неведомыми до сих пор „игрек лучами“ или „сверх-адскими“ лучами (как о них кричали газеты) аппарат Бернгольда...

— Это что за нахальство?! — воскликнул Рокфеллер, читая за утренним кофе газету. — Они осмелились аннулировать наш Бернгольд-аппарат. Эй, Джон, вызвать ко мне немедленно профессоров Ледисона и Мурисона!..

И когда они приехали, миллиардер сказал им:

— Знаете что, господа? Надо изобрести что-нибудь против этих „игрек лучей“!.. А то ведь европейцы того гляди организуют „трест Д. А.“ т.-е. „деструкции Америки“ — и мы все погибнем!

Он сунул им по пяти миллионов авансу и они уехали изобретать...

Месяца через три Ротшильд, развернув утром газету, вскрикнул и подскочил на кресле.

Он прочел, что двое американских профессоров изобрели аппарат, собирающий „игрек-лучи“ и отражающий их., но не вверх, в пространство, а в тех людей, которые их направляют... Так что последние должны были погибать от своих же лучей...

— Необходимо изобрести панцыри, предохраняющие от гибели тех, кто управляет нашим игрек-аппаратом... — сказал Ротшильд вызванным ученым.

— Нецелесообразно!.. — возразил один из них. — Они могут чем-нибудь и панцыри расплавить!.. Лучше устроить так, чтобы управлять игрек-аппаратом не с помощью людей, а издали, из закрытого места, радио-лучами...

— А ведь это — верно!... Хорошо!..

Сказано — сделано...

Но это делу не помогло. Американцы изобрели аппарат, летая с которым на аэроплане, узнавали, где именно внизу помещаются враги, управляющие „игрек-лучами“..

Французы изобрели против этих аэроврагов какие-то „зет-лучи“...

Американцы... и т. д., и т. д...

Ближайшая война происходила так. Буржуазия одного государства ополчилась на другое государство с лучами смерти. Это, второе, государство отражало их аппаратом Бернгольда. Тогда первое вдарило „игрек-лучами“, и второе ошпарило врагов аппаратом Ледисона и Мурисона. Первые надели „антисмертные панцыри, а вторые бросали в них с аэропланов „антиантисмертные“ снаряды. Первые направили на аэропланы „зет-лучи“, а вторые ответили им „эн-лучами“...

Неизвестно, какими лучами ополчились бы на них первые, но в это время и в первой и во второй стране восстали пролетарии и расправились со своей буржуазией совсем простым оружием: винтовкой и наганом...

Ф. Б.

ЖИЛКРИЗИСНОЕ...

ЦИТАТА КСТАТИ.

Некто нуждающийся в жилплощади обратился в редакцию специального журнала с вопросом, сколько жилплощади полагается в Москве на одного человека.

Ему ответили:

„Это чрезвычайно спорный вопрос. В литературе он неоднократно подымался. Можем указать, например, на Льва Толстого, который даже посвятил этому вопросу целый рассказ под заглавием „Много ли человеку жилплощади нужно?“

ОДНО К ОДНОМУ.

— Удивительное дело! Вот уже час, как в соседней комнате ругаются площадными словами.

— Ничего удивительного. Где в декретах сказано, что площадные слова не употребляются на жил-площади?

ТРАМ... ТАРАРАМ.

(Прощальная трамваю).

От трамвайной остановки
Вдоль по улицам столицы,
Сотрясась, громыхая,
Отправляется вагон.
Места нет, но кто-то ловкий,
Умудрившись прицепиться,
На мозоли наступая,
Вызывает громкий стон.

Словно сельди в тесной бочке
Подвергаемся давленью,
А трамвайный декламатор
Выкликает: Ваш билет!
Отшибает печень, почки
И стремится, без сомненья,
Как умелый оператор
Вас отправить на тот свет.

Остановка. — Места нету! —
Но пинаясь в спину рьяно,
Сзади прутся (ну, и правы)
И толкают локтем в бок.
Улучив минуту эту,
Из отвисшего кармана,
У какого-то раззявы
Кто-то свистнул кошелек.

Вдоль по улицам столицы
За вагонами вагоны,
Раскачавшись, как от бури,
Громыхая, вихрем мчат.
Пассажиров бледны лица,
Тяжки вздохи, громки стоны,
Но уж что-то где-то бурят,
Метрополитен сулят.

И. Норд.

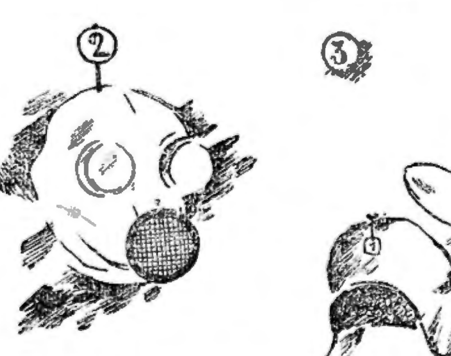
НАШ ПАНОПТИКУМ.

1. ИЗЖИВАЕМ ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС.

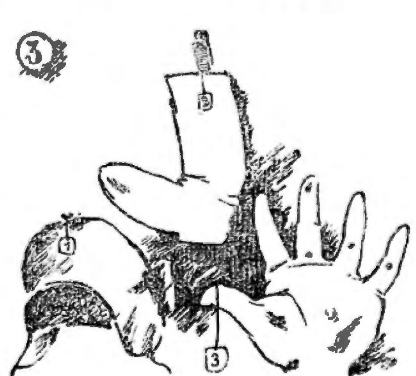
Жильцы, которых поселил домовладелец ВАСИЛЬЕВ в своем доме в Москве, по Кочковскому проезду, № 12. Для каждого жильца отведено по квартире. В середине — сам гр. ВАСИЛЬЕВ.

2. УСПЕХИ ДОБРОХИМА.

Противогаз, употребляемый жителями Нижнего Новгорода для защиты от вони, которая идет из подвала магазина Военной Кооперации. В связи с этим в Доброхим записалось 150 новых членов.

3. МАЙКОПСКИЕ ТРОФЕИ.

№ 1 и 2 — предметы, утерянные заврнвзаводом ЧЕКАНОМ и завторготделом ЦРК СУХНО в Майкопе во время увеселительной скачки в пьяном виде. № 3 — пальцы, сквозь которые смотрел на это дело председатель ЦРК АРУТЮНЯНЦ.

4. ЛЮБЯЩИЙ СЫН.

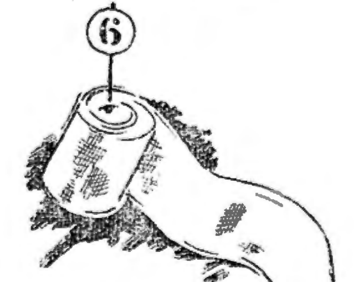
Та самая мать, которую поминал секретарь ячейки Бухаринского сахарного завода, Курской губ., БЕЛЯЕВ, нализавшись 4 ноября и гоняясь за публикой с наганом. Неудачный вышел сын у матери.

ТАЛАНТЛИВЫЙ ЖУРНАЛИСТ.

Отдел газеты, в котором использует заметки рабкоров замредактора „Брянского Рабочего“ РАХТАНОВ. Очень гигиеничный человек.

6. ЧЕЛОВЕК С ШИРОКИМ РАЗМАХОМ.

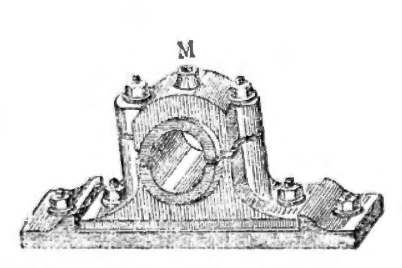
Четверть аршина марли, которые отказался отпустить аптекарь рабочего поселка при ст. Перово, Моск.-Казанск. жел. дороги, потому, что меньше $1/2$ аршина он принципиально не отпускает. Говорят, об этом аптекаре Сухаревка плачет.

7. КАРТА ВСЮ ПРАВДУ СКАЖЕТ.

Карты, по которым выходит, что гадальный трест в женской уборной Сухаревского рынка будет процветать дальше, а милиция рынка, как была растяпой, так и останется.

8. НАПРАСНАЯ РАБОТА.

Машинная часть, которую на одном украинском заводе начистили до блеска, ожидая приезда тов. Петровского. Но т. Петровский не приехал. Теперь, наверно, частичку опять попачкают.

Рис. Мафа. **ПЛОДЫ ИМПЕРИАЛИЗМА.**

АНГЛИЯ: — Лэди и джентльмэны! Вы видите, что Египет еще не созрел для свободы!

ЛИГА ВРЕМЯ.

На диване так уютно!
В тело лень так и вливается!
В мыслях — вяло, в мыслях — смутно...
Целый день в засос зевается...

Книги? К чорту! До того ли?
Прочь от книг бездушных бремени!
Чтоб развлечься — надо что ли,
Записаться в Лигу Времени...

Хорошо всегда быть точным,
Дорожить любой минутою
И с зевком расстаться сочным
И порвать со скукой лютою...

Мда-с! Нам надо подтянуться!
А пока — займусь лежанием...
Как приятно... потянуться,
Распростившись с прилежанием!..

Волынщик.

АРИФМЕТИКА.

— Сколько будет дважды пять?
— Червонец.

НАДМОГИЛЬНАЯ НАДПИСЬ МАКДОНАЛЬДУ.

Помилуй, господи, усопшего раба!
Был добрый человек. Министром был к тому же...
Ему бы жить сто лет, но такова судьба:
Он утонул в поганой луже!

Эмми.

ГОСТЬ ИЗ ЦЕНТРА.

— Служу помбухом в Главпромбуме, — размазывал вернувшийся после семилетнего отсутствия под отчий кров дьяконов сын Сережка, — получаю спецставку по тарифной сетке...

— А что это за чин — помбух, Сереженька, — робко спросила дьяконица, не сводивши с сына умиленных глаз.

— А это, мамаша, пониже зава и начканца, но гораздо выше деловода и пишмашинистки, — важно пояснил Сережка. — Чин порядочный. Ну, а как у вас тут в деревне по части культов и просветов?

— Это ты про что, — не понял дьякон, — ежели на счет сектов, то прямо тебе говорю — никаких сектов у нас нет, все числятся, а сами хуже басурман, в церковь теперь калачом не заманишь, полторы старухи в праздник ходят.

— Ах, папаша, да я не об этом, — поморщился сын; — лучше бы молчали, только свою некультурность оказываете! Пойду в Сельсовет, там все узнаю.

— Отдохнул бы с дороги-то! И пирог скоро поспеет... — простонала дьяконница. Но Сережка молча надел кепку, кожаную тужурку и вышел на улицу.

— Я — пом бух Главпромбума и член Культкомиссии, — заговорил Сережка, подходя к столу председателя Сельсовета, — как я из центра, то желательно мне знать, какие тут в деревне у вас культы и просветы имеются. И на счет смычки тоже...

— Ежели на счет этих делов, то ими больше наш секретарь орудует, — отозвался председатель, почтительно пожимая Сережкину руку. — Пождите здесь, я его мигом позову.

Сережка важно развалился на стуле, а председатель вышел в соседнюю комнату и зашептал на ухо секретарю:

— Иваныч, иди скорей! Там какой-то член из центра приехамши. Насчет культов и просветов каких-то спрашивает. В склизкой тужурке, в жульской фуражке, видать — шишка...

Секретарь сокрушенно вздохнул, отшвырнул какую-то бумажку и последовал за председателем.

— Ну-с, товарищ секретарь, будьте любезны мне пояснить, имеется ли у вас в деревне школа? — спросил Сережка.

— Школа? Школа имеется, — бойко ответил секретарь, — школа что надо! И организация пионеров есть. Учитель — пролетарского происхождения!

— А изба-читальня?

— Есть. Кажный вечер граждане собираются и в книжки, и газеты вычитывают. Все пролетарского происхождения.

— А кооператив есть?

— Есть и кооператив. И Доброхим. Почитай, все беднеющие крестьяне в них состоят, — бойко докладывал секретарь.

В комнату заглянула запыхавшаяся девченка в белом ситцевом платке и сделала таинственный знак председателю. Председатель вышел к ней за дверь.

— Дядя Федор, — быстро зашептала девченка. — Тут у вас в Совете дьяконов сын Сережка... Вон, в склизкой тужурке сидит. Так евонная мать дьяконица меня за ним прислала. Чтобы беспременно шел домой а то пирог простынет...

Тревожно-напряженное выражение исчезло с лица председателя.

— Ладно, — хмуро буркнул он и вернулся на свое место.

А Сережка важно говорил секретарю:

— Очень приятно слышать, что у вас в медвежьем углу завелись культы и просветы эти самые. А теперь, товарищ, желательно мне осмотреть...

— Будя! — неожиданно перебил его председатель, — зря вы тут звоните, мы не на колокольне. И займаться нам с вами некогда, у нас и так делов по горло. Увольняйтесь отсюда, хоша вы и помбух. Бывали у нас такие помбухи... Придет, назвонит — я и член, я и помбух, а на деле выходит — просто дьяконов сын Сережка. Увольняйтесь.

Сережка вскочил, расстерянно взглянул на него и выскочил из Сельсовета. Через полчаса он сидел дома за столом, уплетал за обе щеки пирог, пил самогон и слезливым тоном жаловался отцу:

— Ни культа тут у вас, ни просвета! И изба-читальня есть, и кооператив есть, и Доброхим, а настоящего нет! Скушно мне у вас, папаша! Народ у вас некультурный и столичного обращения совсем не понимает!

Н. А. Карпов.

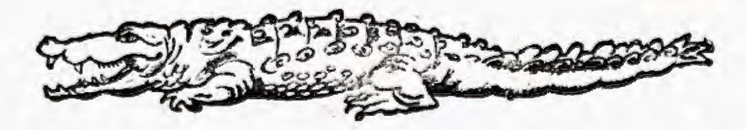

Рис. К. Ротова.

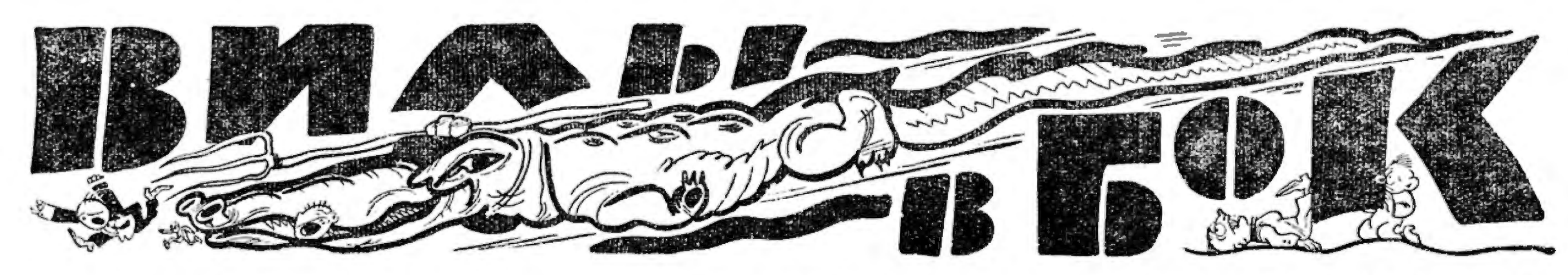
ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ...

„Танцовать не возбраняется даже коммунисту, если он молод, здоров и умеет танцовать“.

(Из речи т. Томского).

Опираясь на мысль, высказанную т. Томским, мы изобразили здесь, что было бы, если бы старая гвардия умела танцовать. В верхней паре слева т.т. Томский и Рязанов танцуют „хиавату“ (танцуется, как известно, в разные стороны). Справа—т.т. Калинин и Ларин пляшут в присядку. („Присядьте, уважаемый товарищ“). Внизу: т.т. Клара Цеткин Радек пляшут русскую (к сожалению, на немецкий манер). Рядом—т. Луначарский со своим любимым партнером исполняет „хавтайм“ (по комсомольски—„хватай“. Кто кого хватает—невыяснено).

ТОЛЬКО ДЛЯ ДЕТЕЙ.

Харьков—столица Укрзины, — это знают все и каждый. В столице всякое дело ставится широко, глубоко и образцово, чтобы губернии и округа могли подражать, могли резаться на столицу. Иначе им делать будет нечего и они захиреют, погибнут. Но в наш просвещенный век Доброхима, Добролета, Доброфлота и всякого иного добра (а этого добра у нас много) удивить чем-нибудь не так-то легко, как это провинции подчас кажется.

Долго Харьков не мог ничем похвастаться перед провинцией, пока, наконец, совершенно неожиданно не сверкнул луч глубокой пытливости, продуманности и чисто столичной постановки дела из адресного стола.

АДРЕСОВИЙ ЛИСТОК

для недорослих (дітей до 15 літнього зросту).

Заповняеться на кожну особу, недосягнувшу 15 лит.

Прозвище . . . .
Ім'я (коли маются де килька імен—показать усі) . . . .
По батькові . . . .
Рожденець якої губернії, повіту, волості, села, деревні, міста . . . .
Час нарождення . . . .
Головна професія, або посада, ремество . . . .
Сімейний стан (нежонатий, жонатий, удівець, розведений) . . . .
Назва установи, або підприемства, де займа посаду, або пр цюе . . . .
Час заповнения листу . . . . . *192* . *року.*
Підпис заповняющего листа . . . . . .

Данные, разработанные ЦСУ по этому адресному листку, оказались потрясающими: выяснилось, что среди детского населения Харькова царит прежде всего не то отчаянная безработица, не то захлестывающая мелко-буржуазная стихия, — семьдесят пять процентов детей до пятнадцатилетнего возраста показали себя не то безработными, не то незнающими никакой профессии и незарегистрированными на бирже труда, не то—нетрудовым элементом. И—стой, читай и удивляйся!—на сто процентов оказались не разведенными и не вдовцами, а просто неженатыми.

Многие матери, говорят, долго и надрывно рыдали по случаю этих необъяснимых детских уклонов...

Провинция тихо завидовала Харькову.

(Вл. Павлов).

РОКОВАЯ ОШИБКА.

Так как попы слишком много занимаются „астрономией", то у них происходят—часто ли, нет ли—такого рода акты:

В д. Елокецком, Держ. в., у гр. Засекай Ивана родился ребенок. Понесли к попу, тот окрестил и назвал „Виктор". Дома же выяснилось, что это не мальчик, а девочка. Где же были глаза у попа?

Ясно—смотрели в донышко бутылки. Не в этом дело: поп мог и не заметить, а вот чего же бог смотрел, изливая благодать на новорожденного? Отчего вода в купели не возмутилась? А теперь расплачивайся несчастная девочка—сверстницы замуж выйдут, а ее того и гляди призовут в красную армию: мужчина!

Вот до чего доводит слишком усердная астрономия.

ГОРОДНЯНСКАЯ АНОМАЛИЯ.

Кампания за поднятие призводительности труда принесла в Городнянском районе совсем неожиданные результаты: самогонщики все больше поднимают „продукцию". Самогон выгоняется крепостью, как говорят, знатоки, в 105 градусов! Об этом знает предсельсовета, знает и соцкий...

Кому ж и знать, как не им? И не они ли являются этими самыми „знатоками", о которых так глухо упоминает корреспондент?

ВПРЯГАЙ ЛЕТОМ САНИ, А ЗИМОЙ ТЕЛЕГУ.

Так исправляют мудрую русскую пословицу администраторы Сабунчинской железнодорожной ветки. Там летом ходили зимние вагоны, а когда стало холодно и зачастили дожди, стали ходить летние.

Виноваты, конечно, пассажиры. Заявили бы кому следует, те бы рассмотрели в комиссии, пересмотрели в подкомиссии, сдали вопрос в секцию, из секции в подсекцию, из подсекции в отдел, из отдела в подотдел и авось к лету пошли бы зимние вагоны!

Вся беда в обывательской косности и бездеятельности пассажиров!

УТИЛИЗАЦИЯ.

Учительница Т. А. Ковалевская пишет в газету „Землероб":

На стене моей квартиры висели большие географические карты. Исчезли! Оказывается, сторожиха, родственница какого то сельского начальства, смыла с них картон и из полотна сшила себе фартуки. Затем для отопления сожгла стол...

Прибавлять к этому нечего: ничего не осталось.

РЫБЬЕ СЛОВО, ИЛИ НАКОСЬ, ВЫКУСИ.

„Меж высоких холмов затерялося
Небогатое наше село,—

Глыбки. Губернии—Киевской, округа—Шепетовского, района—Базалийского. Жили тихо и мирно, пока незаможным селянам не захотелось газету на село.

И наивные глыбецкие незаможники постановили:

Каждому члену КНС как грамотному, так и неграмотному, но имеющему грамотных детей, выписать по одному экземпряру газеты „Радянское Село" добровольно.

12/X 24. *Предсельknс* (*подпись*).

Газета „Радянское Село" стоит пятнадцать копеек в месяц. Два дня собирали деньги, наконец, набрали,—и председатель комнезама пешком двинулся за двадцать верст на почту, чтобы выписать газету. А где почта, там же и районный комитет незаможных селян, — значит—начальство. Как не зайти к начальству.

Зашел и порадовал.

— Газета на село!

— Что-с? Может еще электричество на село, чтобы по ночам с огнем сидеть? А корабля с мачтами не хотите?

Резолюция была вынесена скоро, без волокиты, бюрократизма и прочих маленьких недостатков механизма:

Глыбецкому КНС.

Согласно Вашего постановления от 12 октября 24 года райКНС уведомляет Вас. ***что деньги на газету селькнс не может в редакцию отослать,*** *согласно постановления окркнс от 29/IX 24.*

В случае неподчинении окркнс и райкнс, а также и селькнс, если такая организация не подчинится управляющему органу—тому или другому Советской республики—так их организация немедленно будет распущена по разрешению губкнс и окркнс, ибо, ***если организация не подчиняется постановлениям своего верховного руководства, то, значит, такой организации в нас нигде не существует. А также, имея у виду, что под эту категорию подлежит ваша организация согласно постановления Вашего протокола.***

Настоящее отношение прочесть на общем собрании селькнс и чтобы подписалось несколько незаможников, не менее 20 человек.

Глибок и индик.

Председатель райкнс Бакун.
Секретарь (*подпись*)
21/X 24. № 10120.

Что значит — „глибок и индик" — никто не знает. Но под какую категорию подлежит Базалийский райкнс, установить нетрудно. Также нетрудно установить, сколько газет попало на село в Базалийском районе, если известно, что оный районный комитет незаможных селян выпустил в обращение уже 1012) рыбьих слов.

Не унывай, райкнс! Индик с тобой, милый! Помоги тебе глибок!

Вл. Павлов.

КОНЬ С ПЯТНЫШКОМ.

Конь бледный... Конь вороной... Конь красный. Есть еще оказывается „конь с белым пятном". Видно это из оригинального документа о восстановлении в избирательном праве двух поповичей. Документ длинный. Приводим в сокращении, посвящая Б. Савинкову: может использовать для новой книги о мятущихся душах.

В понорницкий районный комитет

от гр-н с. Родичева, Василия и Александра Добронравовых.

Заявление.

... „Дозвольте нам сказочку рассказать, может это и неуместно, но по отношению к нам это не сказка, а горькая правда...

Жил некогда хозяин—хороший хозяин, заботливый такой, но больше всего он заботился о своих лошадях. Лошади у него были все вороные, но однажды случай такой случился, что родился лошенок с белым пятном... не взлюбил его хозяин, бьет, и есть вдоволь не дает... Я и Александр, брат мой, являемся в этой сказке той самой лошадью, что с пятном на боку... Ведь мы-то не виноваты, что родились от попа, а не от крестьянина"...

В злом умысле при выборе папаши, действительно, не виновны. А вот почему до сих пор не смыли породистое „белое пятнышко?" Пора бы.

М. Витин.

ВЕСЕЛЫЙ МАГАЗИН.

Рис. В. М.

Это не карикатура, а быль. На Никольской улице были?

ПОП—АСТРОНОМ.

Некто Маложон из с. Сукля спрашивает газету „Красное Знамя": разрешает ли советская власть быть попу астрономом? У нас поп астроном, но лекции ни разу не прочел, несмотря на то, что сельсовет несколько раз просил его об этом.

Попу никто не запрещает заниматься астрономией, но напрасно сельсовет просит его читать лекции, — пусть он читает свои лекции в другом месте. Но нас занимает другой вопрос: какой астрономией занимается батюшка? Смотрит он на небо через телескоп или только через донышко бутылки?

КНИЖНЫЙ ПРИЛАВОК.

(Книги, не поступившие в редакцию для отзыва).

„Самоучитель крестьянского языка. Пользительноя руководства для каждого, которые желающие вывчиться писать, читать и растабарывать по крестьянскому“.

Автор этой ненаписанной, но чрезвычайно необходимой книжки справедливо указывает, что крестьянский язык—это и есть великий, могучий, свободный язык Пушкина, Шиллера, Шекспира и „Крестьянской Газеты“. Незнанием крестьянского языка никто отговариваться не может, и такие слова, как „тае“, „анадысь“, „двистительно“, „мелиорация“, „электрификация“ „кооперация“ и т. п. должны быть знакомы каждому образованному человеку.

„Самоучитель“ явится незаменимым пособием для всех писателей и поэтов, желающих быть крестьянскими.

А. Б. Ведин-Глаголев. „Как я понимаю об Ленине“ (Воспоминания).

Хотя такой книжки и не существует в природе, тем не менее она едва ли уступит в чем-нибудь некоторым из существующих. В живой, литературной и весьма убедительной форме автор доказывает, что Ленин во многих вопросах не расходится с его мнением. Очень характерно, по мнению автора, что у Ленина (т. XVIII, часть I, стр. 439, 2-я строка снизу) мы находим выражение „в общем и целом“, неоднократно употреблявшееся и автором воспоминаний.

Каждому, кто интересуется мнением А. Б. Ведина-Глаголева, мы настоятельно рекомендуем ознакомиться с этой книгой. Фигура автора выявляется в ней во весь рост (1 метр 84 сантиметра).

„Как молотить рожь на обухе“. (Из серии „на помощь крестьянину“).

Изданием этой небольшой, популярно написанной брошюры был бы, несомненно, заполнен весьма значительный пробел в области сельскохозяйственной литературы. Автор, хорошо, повидимому, знающий деревню, очень удачно подошел к разрешению одной из труднейших проблем крестьянского хозяйства. В книжке простым и понятным языком рассказывается, как при небольших затратах (около 250 руб.) самому сделать приспособление, позволяющее использовать любой ненужный обух в качестве небольшого гумна. К об'яснению приложены чертежи и рисунки.

Книжку смело можно рекомендовать вниманию любого крестьянина-середняка. Одно только утверждение автора представляется нам несколько рискованным,—а именно: „Можно сказать а-приори, что количество деформированных зерен будет пропорционально амплитуде размаха импровизированного цепа“. По нашему скромному мнению, этот вывод нуждается в экспериментальной проверке.

„Ежемесячный ведомственник“, журнал, № 17.

Журнал издается одним из отделов одного из наших учреждений. В очередном номере помещено много ценного, тщательно подобранного материала, как-то: приказы по учреждению за №№ 1038—1142, финансовый отчет отдела за 1923 г., приходо-расходная смета на последний квартал текущего года, циркуляр заведующего о порядке представления отчетности провинциальными отделениями и т. д.

На печальные размышления наводит нас тираж журнала: всего 3000 экземпляров... При таком тираже не скоро еще проникнет наша книга в широкие крестьянские массы...

Цена отдельного номера—7 р 50 к.—отнюдь не может быть признана высокой, если принять во внимание роскошную внешность издания. *Грамен.*

НЕМНОГО ИНОСТРАННОГО ЮМОРА.

КАНДИДАТ КОНСЕРВАТОРОВ.

„Ле Рир“ *Париж*

— Послушай, Джек, к нам забрался вор...
— Ну так что-ж... Поди, прими его и дай чего-нибудь закусить. Лишний голос на выборах мне совсем не повредит...

УМЕРЕННОСТЬ.

„Симплициссимус“. *Мюнхен.*

— Зачем люди едят столько картошки... Мы с'едаем за обедом не больше двух-трех...

ПРЕДПРИЯТИЕ БОЛДУИНА.

„Лондон Опинион“. *Лондон.*

Стэнли Болдуин—вождь свиней и консерваторов.

АРИСТОКРАТЫ НА ОХОТЕ.

„Ле Рир“. *Париж.*

— Бейте его, колите его! Чего вы ждете?
— Так он еще не повернулся спиной...

ТРУБКА МИРА И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ

Пуанкаре (ангелу мира):—Ну-с, пока я не у дел, можно и твою трубку покурить.

На англичан трубка мира действует опьяняюще: они начинают думать о завоевании всего мира...

Американцы, как люди хозяйственные, используют дым от трубки мира для своих заводов военной промышленности...

(Из нем. сатир. журн. „Симплициссимус“).

Издательство „Рабочей Газеты“, Москва, Охотный, 7. Редактор Н. И. Смирнов.

Главлит № 28177. Типография „КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“, Пименовская, 1/16. Тираж 175.000 экз.

ЗАПИСКИ ДЕЛЕГАТА АНГЛИЙСКИХ ПРОФСОЮЗОВ,

О ТОМ, ЧТО ОН ВИДЕЛ В СОВЕТСКОЙ МОСКВЕ.

Рис. Н. Купреянова.

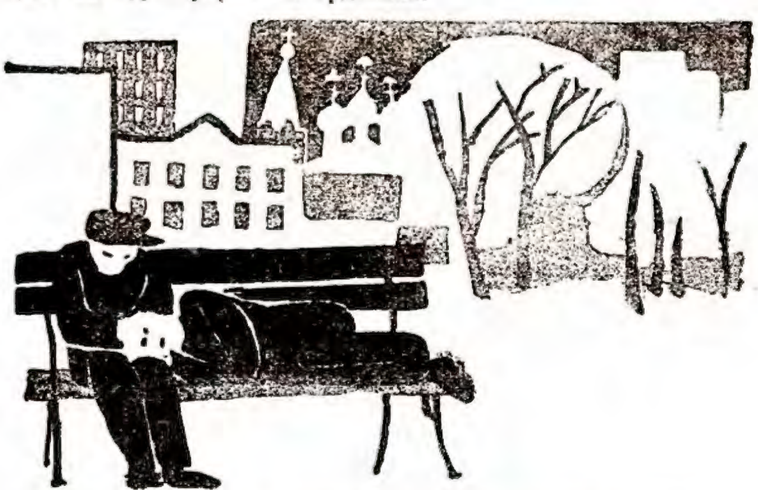
1 Русские студенты носят красивые шапки с золотыми буквами. Они курят так много папирос, что таскают с собой целый ящик.

2. В СССР в большом ходу ордена и награды. Получать их очень легко. Есть много служащих, — особенно делопроизводителей, — у которых вся грудь украшена орденами.

3. В Москве почему-то квартира называется „площадью“.

4. В то же время зачастую площадь служит квартирой.

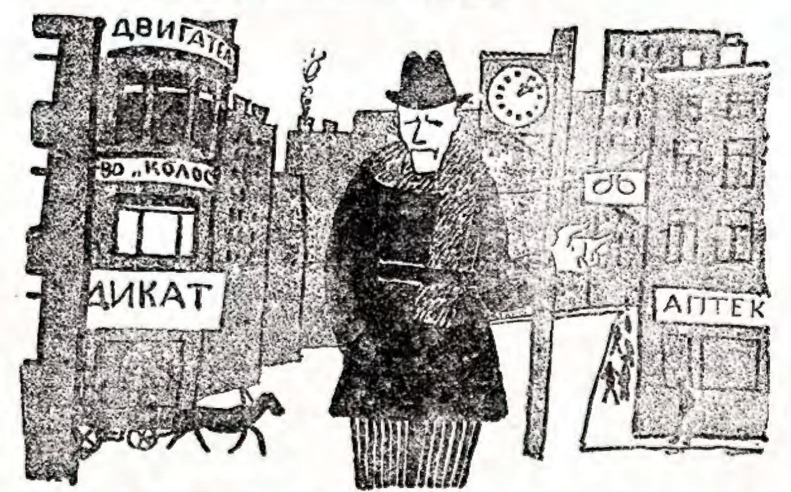
5. Сильно развито омоложение. Можно видеть общественных деятелей, омоложенных до детского возраста.

6. Комсомольцы — совсем не безбожники. Я сам видел большую церковь, которая ими усиленно посещалась.

7. Как странно чувствуешь себя в этой удивительной стране, где слепые от рождения — видят...

8. — ...а зрячие, только приехав сюда, узнают, что до сих пор были слепы!